
ЛИТЕРАТУРА И ОБЩЕСТВО

УДК 821.133.1

DOI: 10.31249/lit/2025.04.06

ЛОЗИНСКАЯ Е.В.¹ ДАНТОВСКИЕ ТИРАНЫ В КОНТЕКСТЕ СРЕДНЕВЕКОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Аннотация. В статье анализируются отрывки из произведений Данте Алигьери, где использованы слова *тиран* и *тирания*, с целью составить общее представление о взглядах поэта на эту форму правления. Редкость этого словоупотребления в наследии Данте требует, с одной стороны, использования техники *close reading*, с другой стороны, изучения общего культурного и литературного контекста, включая источники, откуда Данте мог почерпнуть те или иные идеи. Среди таких источников подробно охарактеризованы два: «Поликратик» Иоанна Солсберийского и «О королевской власти...» Фомы Аквинского. Показано, что главными тираническими действиями в понимании Данте являются насилие против жизни ближнего и против его имущества. Тирани также лишен разума, руководящего людьми в земной жизни, и интеллекта, с помощью которого прозреваются высшие истины.

Ключевые слова: Данте; тиран; монархия; Иоанн Солсберийский; Фома Аквинский; страсти; правление; дьявол; Обиццо II д'Эсте; Эццелино III да Романо.

Для цитирования: Лозинская Е.В. Дантовские тираны в контексте средневековой культуры // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7: Литературоведение. – 2025. – № 4. – С. 102–118. – DOI: 10.31249/lit/2025.04.06

Поступила: 15.06.2025

Принята к печати: 31.07.2025

¹ Лозинская Евгения Валентиновна – старший научный сотрудник отдела литературоведения ИНИОН РАН; jane.lozinsky@gmail.com

LOZINSKAYA E.V.¹ Dante's tyrants in the context of medieval culture

Abstract. The article analyzes excerpts from Dante Alighieri's works that use the words *tyrant* and *tyranny*, in order to form a general idea of the poet's views on this form of government. The causticity of this usage in Dante's legacy requires, on the one hand, the use of close reading techniques, and, on the other hand, the study of the general cultural and literary context, including the sources from which Dante could have drawn certain ideas. Among such sources, two are described in detail: *Polycratic* by John of Salisbury and *On Royal Power...* by Thomas Aquinas. It is shown that the main tyrannical actions in Dante's understanding are violence against the life of a neighbor and against his property. The tyrant is also deprived of the *ragione* that guides people in earthly life, and the *intelletto* with which higher truths are discerned.

Keywords: Dante; tyrant; monarchy; John of Salisbury; Thomas Aquinas; passions; government; devil; Obizzo II d'Este; Ezzelino III da Romano.

To cite this article: Lozinskaya, Evgeniya V. "Dante's tyrants in the context of medieval culture", Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 7: Literary studies, no. 4, 2025, pp. 102–118. DOI: 10.31249/lit/2025.04.06 (In Russian)

Received: 15.06.2025

Accepted: 31.07.2025

Данте сам участвовал в политической жизни в молодости и много писал о политике и политиках: среди персонажей «Комедии» политических деятелей не меньше, чем религиозных, а «Монархия», в которой поэт обосновал свой универсалистский идеал вселенской империи, оказала серьезное влияние на последующих мыслителей. Как справедливо замечает В.В. Мархинин, «вопрос о природе тирании относился к числу излюбленных предметов средневековых мыслителей» [Мархинин, 2024, с. 147], нередко даже характеристика политического, как правило монархического, идеала давалась в сопоставлении с его противоположностью. Кажалось бы, Данте, столько размышлявший о наилучшем образе правления, должен был отвести и вопросу о тирании изрядное ме-

¹ **Lozinskaya Evgeniya Valentinovna** – Senior Researcher at the Department of Literary Studies, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; jane.lozinsky@gmail.com

сто. Тем не менее в теоретическом плане Данте почти ничего не говорит об этом. Слова *tiranno* и *tirannia* (их аналоги на латинском и орфографические вариации) встречаются в корпусе дантовских текстов лишь 13 раз (6 раз в «Комедии», по 2 раза в «Монархии», в «Пире», в послании Генриху VII и однократно в политическом сонете «Недолго мне слезами разразиться...»). Тем интереснее попробовать вычленив из этих редких словоупотреблений дантовские представления о тиранах и способе их правления.

Для того чтобы охарактеризовать дантовские взгляды на тиранию, необходимо представлять, какие идеи были распространены в политической мысли предшествующих веков и его собственного времени. Античность дала широкий спектр сочинений, где так или иначе затрагивался этот вопрос, хотя далеко не все их идеи были восприняты в Средние века. «В сочинениях раннехристианских авторов тирания понимается как продукт духовной деградации человека и порабощения его души низменными и противоземными страстями» [Мархинин, 2024, с. 148]. Это традиция, восходящая в первую очередь к «Государству» Платона. В девятой книге философ описывает становление тиранического характера, отмечая, что существенным элементом формирования тиранических наклонностей является страсть вожделия в широком смысле слова (Res publ. IX.573a–b). Платон подчеркивает также иррациональность тирана: «Человек, мой друг, становится полным тираном тогда, когда он пьян, или слишком влюбчив, или же сошел с ума от разлития черной желчи» (Res publ. IX.573c). Именно таковыми – творящими бесчинства без каких-либо оснований, лишь по велению собственных страстей – рисовали тиранов раннехристианские и раннесредневековые авторы – Лактанций, Иоанн Златоуст, Григорий Великий, Алкуин.

Аристотелевская традиция акцентировала иные моменты – в первую очередь разграничение монархии и тирании на основании того, в чьих интересах осуществляется правление. Монарх ищет блага народа, тиран – собственного блага (Pol. 1279b). Аристотель также подробно анализирует два способа сохранения власти тираном – традиционный (Pol. 1313a35–1314a30) и более тонкий, при котором тиран создает видимость собственного благородства и справедливого правления (Pol. 1314a35–1315b10). Первый из них включает в себя разнообразные меры, приводящие к воспитанию в людях малодушия, к созданию обстановки, в которой они не могли бы действовать, и атмосферы всеобщего недоверия. Многие из этих инструментов сохранения власти тираном (преследование

свободолюбивых и выдающихся людей, запрет на собрания, тотальная слежка, сосредоточение внимания людей на экономических интересах) у средневековых авторов станут характеристиками тиранического правления.

В эпоху высокого Средневековья вопрос о тирании был исследован Иоанном Солсберийским (1115/1120–1180) в трактате «Поликратик, или О забавах света и заветах философов» (*Policraticus sive de nugis curialium et vestigiis philosophorum*, 1159) [John of Salisbury, 1909]. На возможность знакомства Данте с «Поликратиком» в научной литературе указывалось не один раз, в том числе Э.Р. Курциусом [Pézard, 1948; Curtius, 1953, p. 364; Gonzalez Fernandez, 2003; Gianferrari, 2016]. В этом трактате, неоднократно проанализированном самым тщательным образом¹, можно выделить несколько важных положений. Иоанн, еще до перевода «Политики» на латынь, использует аристотелевское противопоставление законного государя и тирана-узурпатора на основании критерия, чье благо является целью правления, кому они служат – народу или собственным страстям. У Иоанна есть также важнейшая для Данте мысль о том, что цель праведного властителя – свобода народа, а тирану нужны рабы. «Государь борется за законы и свободу народа, тиран думает, что ничего не сделано, если он не отменит законы и не обречет народ на рабство» («*Princeps pugnat pro legibus et populi libertate; tyrannus nil actum putat nisi leges euacuet et populum deuocet in seruitutem*») [John of Salisbury, 1909, vol. 2, p. 345]. «Единственное или главное различие между тираном и государем – последний подчиняется закону и управляет народом по указаниям закона»² («*Est ergo tyranni et principis haec differentia sola uel maxima, quod hic legi obtemperat et eius arbitrio populum...*») [John of Salisbury, 1909, vol. 1, p. 235]. Впрочем, властитель может превратиться в тирана в результате собственной психолого-политической эволюции или вследствие дурного окружения. Губительному влиянию придворных на властителя Иоанн уделяет много внимания: не только лесть превращает властителя в тирана, но и склонение его к разнообразным забавам – от охоты, которая пробуждает в человеке звериные качества, до, казалось бы, безобидной любви к музыке и представлениям [Гладков, 2008, с. 214–224]. Надо отметить, что Иоанн уделяет больше внимания

¹ Библиографию можно найти напр., в: [Гладков, 2008], кроме того, в самой диссертации взгляды философа на тиранию изложены весьма подробно.

² Пер. В.В. Мархинина.

социальному аспекту превращения монарха в тирана, платоновская теория «тиранического характера» ему скорее чужда, хотя он видит возможность существования тирании не только на уровне государства, но и в церкви, а также в частной жизни [John of Salisbury, 1909, vol. 2, p. 345–346].

Еще одним средневековым теоретиком тирании, вне всякого сомнения, повлиявшим на Данте, был, разумеется, св. Фома Аквинский. В трактате «О королевской власти к королю Кипра, или О правлении князей» (*De regno, ad regem Cypri*, 1265/1266) он следует аристотелевской традиции в том, что называет целью тирана его выгоду, а средством правления – силу: «...если несправедное правление вершится лишь одним человеком, который преследует в правлении свою выгоду, а не благо подчиненной ему совокупности, то такой правитель называется тираном, имя которого производное от силы, так как он, разумеется, подавляет мощью, а не правит справедливостью» [Фома Аквинский, 2016, с. 100]. Именно у св. Фомы мы находим отчетливую связь благого монархического правления с миром, столь характерную для Данте: «Итак, вот к чему должен более всего стремиться правитель совокупности, – к тому, чтобы сохранить единство мира». Хороший правитель не должен решать «устраивать ли ему мир в подчиненной ему совокупности», он может лишь искать средства достижения этой цели [Фома Аквинский, 2016, с. 102]. При этом св. Фома не видит принципиальной разницы между тиранией и демократией, цели и средства таких правлений сходны, во втором случае «весь народ будет как бы одним тираном» [Фома Аквинский, 2016, с. 100].

В трактате св. Фомы не акцентирована, но все же отмечается некоторая иррациональность тирана: «...человек, правящий безрассудно, повинуюсь похоти своей души, ничем не отличается от животного» [Фома Аквинский, 2016, с. 106]. Он также находит связь между страстями, которым подвержен тиран и способами угнетения им подданных: тот, «кто одержим алчностью, грабит их блага», кто гневом – «убивает попусту», «не ради правосудия», но «ради похоти воли». Влияют тираны на народ и в духовном плане, стараясь «помешать своим добродетельным подданным, чтобы те, движимые благородством, не набрались бы мужества и не решили бы не терпеть их несправедное владычество». Тираны сеют между самими подданными разногласия, вскармливают ссоры и запрещают то, что относится к объединению людей, желая, чтобы те «не радовались благам мира» и лишены взаимного доверия не могли ничего замыслить против их власти [Фома Аквинский, 2016,

с. 105]. В целом «при правлении тиранов мало встречается добродетельных людей», ведь «люди, вскормленные в страхе, вырождаются в людей рабского духа и малодушно смотрят на любое дело, требующее мужества и отваги». Скорее, они «укрываются от тиранов, словно от жестоких зверей, так как представляется одно и то же – подчиниться тирану и склониться перед свирепым зверем» [Фома Аквинский, 2016, с. 106]. Отдельную главу св. Фома отводит посмертной каре тиранов, которые обретают «себе в наказание сильнейшие мучения», их грабежи, убийства и обращение в рабство обращены не против одного человека, что и так «заслуживает наивысшего наказания», но против всех людей. Тираны редко каются, что объясняется их гордыней, «еще реже могут достойно возместить ущерб» и к тому же «передают потомкам эту дерзость в совершении грехов». «Утяжеляется же их грех и достоинством принятого ими служения» [Фома Аквинский, 2016, с. 126–127].

Обратимся теперь к сочинениям Данте. В первой книге «Монархии» он во вполне традиционном духе, вслед за Аристотелем и Фомой Аквинским противопоставляет тиранию монархии как один из извращенных видов правления наряду с демократией и олигархией: «...извращенные государственные системы, т. е. демократии, олигархии и тирании, порабощающие род человеческий, как явствует при последовательном разборе их всех» (Mon., I, 12:9) [Алигьери, 1968, с. 315]. Тирания упоминается здесь в контексте обсуждения человеческой свободы, которой и посвящена вся глава. Надо отметить, что в политической теории Данте, в отличие от многих других, не противопоставлены две ключевые политические ценности – всеобщий мир (pax), обычно связываемый с монархией, и «республиканская» свобода (libertas). «Но живущий под властью монарха наиболее свободен. Для понимания этого нужно знать, что свободен тот, кто существует ради себя самого, а не ради другого, с чем согласен и Философ в книгах “Метафизики”». «...» И такого рода правильные государственные устройства имеют целью свободу, т.о. имеют целью, чтобы люди существовали ради самих себя. Ведь не граждане существуют ради консулов и не народ ради царя, а наоборот, консулы ради граждан и царь ради народа» [Алигьери, 1968, с. 315–316]. Отсюда становится понятна другая характеристика тиранов, «которые блюдут публичные права не для общей пользы, а пытаются извратить их в интересах собственных» (Mon., III, 4:10) [Алигьери, 1968, с. 346]. Здесь стоит отметить, что тирания – это не беззаконие, полное самовластие тирана, а использование им iura publica в личных целях. Здесь

Данте выходит за границы раннехристианского, восходящего к Платону, представления о тирании, акцентирующего не столько ее политико-юридическую специфику, сколько психологию тирана.

Специфика тиранического правления получает еще одну характеристику в самом известном в этом контексте отрывке «Комедии» – в двенадцатой песни «Ада», строки 100–112 и 130–135. Данте с Вергилием, сопровождаемые кентавром Нессом, идут над Флегетоном, где в алом кипятке вопят грешники. Проходя над теми, кто погружен в него «по самые ресницы» (Илюшин переводит «по уши», Лозинский – по брови), Несс объясняет: «E' son tiranni / che dier nel sangue e ne l'aver di piglio. / Quivi si piangono li spietati danni...»¹. Здесь Данте использует метафорическое в основе выражение, чтобы передать две главные характеристики поведения тиранов, которые мы уже встречали у св. Фомы: тираны проливают кровь подданных и грабят их блага. Данте в характерном для себя стиле сливает эти понятия: тираны грабительски присваивают себе чужую кровь и имущество. Во Флегетоне они несут наказание за безжалостно нанесенный ими ущерб (*spietati danni*) и за то, что в своей земной жизни отказались от важнейшей христианской добродетели милосердной любви (*pietà*). Флегетон, однако, место наказания не только тиранов, это кара для всех насильников против ближнего. И здесь приобретает значение томистское представление Данте о соотношении греха и порока. Конкретное греховное деяние является следствием некоторого порока, предрасполагающего ко греху. В воды Флегетона погружены нераскаянные грешники, одержимые гневом и алчностью, которые и привели их к насилию над ближним: “Oh cieca cupidigia e ira folle, / che sì ci sproni ne la vita corta, / e ne l'eterna poi sì mal c'immolle!”² (*Inf.*, 12, 49–51). Такое же соотношение «тиранических» грехов и пороков алчности и гнева мы видели у св. Фомы.

Cupidigia в понимании Данте – это комплексный порок, включающий в себя и сладострастие, и стремление к богатству, и обжорство, точнее, он предполагает чрезмерное и безудержное желание иметь что-либо – в любом смысле. Это один из трех важнейших для Данте пороков (*superbia, invidia, cupidigia*), и согласно Писанию, он «корень всякого зла» (1 Тим. 6:10). К этим словам

¹ «...Тут многие тираны, / пресыщенные кровью и слезами: // Теперь рыдают, пыткой поправны». – Пер. А.А. Илюшина.

² «О вы, слепая жадность, гнев жестокий! / Дико терзают нашу жизнь земную / И стоят вечных мук сии пороки». – Пер. А.А. Илюшина.

будет параллель в «Рае»: “La cieca cupidigia che v’ammalia”¹ (Par. 30, 139). Обратим внимание на эпитет, прилагаемый к слову *алчность* в обоих случаях – «слепая». Зрение – высшее из чувств, которое у Данте (и вообще в средневековой культуре) ассоциируется с интеллектом, человеческой способностью постигать божественные истины. Следовательно, алчность – одна из страстей, лишаящих человека его человеческой сущности. Стоит отметить и эпитет, приложенный к другому томистскому пороку тиранов, – гнев их безумен (*ira folle*). Здесь можно проследить некоторую связь с платонической и раннехристианской традициями, где тиран – безумен, т.е. лишен уже не интеллекта, а разума – той мыслительной способности, которая для понимания земных вещей. Таким образом, дантовские тираны (как и другие насильники против ближнего) лишены обоих видов ума. Это уподобляет тирана животному, что, как мы помним, встречалось и у св. Фомы и Иоанна Солсберийского.

Возвращаясь к теме алчности, нельзя не отметить еще одно место, где Данте говорит о тиранах, – глава XXVII четвертой книги «Пира». В ней, казалось бы, речь идет о противоположном качестве – щедрости. Однако в случае тиранов щедрость извращается: «О вы, злодеи, рожденные во зле, обижающие вдов и сирот, грабящие неимущих, похищающие и присваивающие себе чужие права; из всего вами награбленного вы задаете пиры, дарите коней и оружие, имущество и деньги, носите дивные наряды, воздвигаете дивные постройки и воображаете себя щедрыми! И разве это не то же, что совлечь с алтаря пелену и постелить ее на стол грабителю? Разве, тираны, ваши подачки не столь же смехотворны, как поступок грабителя, который привел бы к себе в дом гостей и постелил бы на стол украденную им с алтаря скатерть с еще сохранившимися на ней церковными знаками и воображал бы, что другие этого не замечают?» (Conv., IV, 27:263) [Алигьери, 1968, с. 262–263]. Здесь любопытна не только сама идея извращенной щедрости тиранов, которая отсутствует, например, у св. Фомы, но и специфика избранного поэтом сравнения: акты псевдощедрости тиранов уподобляются святотатству – в прямом смысле слова (краже из церкви).

В «Пире» возникает еще одна тема, отсутствующая у св. Фомы, но пространно разработанная Иоанном Солсберийским, – роль окружения тирана. Однако Данте трактует ее по-своему, в

¹ «Так одуряет вас корысть слепая...» – Пер. М.Л. Лозинского.

русле своей общей концепции «тройственного» разделения власти. Обращаясь к «властителям и тиранам», захватившим «бразды правления над всей Италией», Данте призывает: «...поглядите, какие рядом с вами сидят советники и подсчитайте, сколько раз на дню ваши советники указывают вам цель человеческой жизни!». Помимо идеи подверженности тирана внешним влияниям, в результате чего он действует не под руководством собственного разума, здесь стоит отметить именно мотив дурных и благих советчиков. В целом эта глава «Пира» рассматривает вопрос о соотношении философского и императорского авторитета. Если Церковь является авторитетом духовным и ей принадлежит право руководства людьми в делах спасения, то земной авторитет делится между императором и философом, который есть «кормчий и руководитель людей» в том, чтобы действовать в согласии с добродетелью. Авторитет верховного философа «не противоречит авторитету императорскому; однако последний без первого – опасен, первый же без последнего как бы слаб, но не сам по себе, а вследствие склонности людей к беспорядку... <...> пусть философский авторитет сочетается с императорским для доброго и совершенного правления» [Алигьери, 1968, с. 216]. И далее следует процитированная выше инвектива против тиранов. Из этого можно легко заключить, что одной из характеристик тирании у Данте является отсутствие должного философского этического руководства действиями властителя, тема, в Средние века редко разрабатывавшаяся, по сравнению с необходимостью духовного наставничества Церкви, но составляющая один из компонентов ядра общей политической концепции поэта.

Наконец, для характеристики общих представлений Данте о тирании следует упомянуть еще одно место «Комедии», где встречается слово «тираны». Это знаменитый отрывок из шестой песни «Чистилища», самое начало так называемой инвективы против Флоренции: “Ché le città d’Italia tutte piene / son di tiranni, e un Marcel diventa / ogne villan che parteggiando viene”¹ (Pg., 6, 124–126). Далее следует пространное саркастическое описание того, как во Флоренции все обстоит прямо противоположным образом. На самом деле, конечно, подразумевается, что во Флоренции тоже «кишат тираны». Или же, по выражению св. Фомы, там весь народ – как один тиран. В послании Генриху VII правление в Тосканских

¹ «Ведь города Италии кишат / Тиранами, и в образе клеветы / любой мужик пролезть в Марцеллы рад». – Пер. М.Л. Лозинского.

республиках прямо названо тираническим: «...и да не минует внимания августейшего владыки то, что пока он медлит, тосканская тирания (*Tuscanus tyrannis*) крепнет и набирается сил, изо дня в день подстрекаемая наглými преступниками, творя безрассудство за безрассудством» [Алигьери, 1968, с. 375–376]. Таким образом, можно предположить, что для Данте, как и для св. Фомы, ключевыми являются этические характеристики тирании, а не тот факт, что, по Аристотелю, тирания – это единоличное правление. В этом отрывке также появляется упоминание третьего важнейшего для Данте порока – гордости (*superbia*). Тосканская тирания крепнет, «поощряя гордость в злочинных»¹ (*malignantium cohortando superbiam*).

Рассмотрим теперь, кого именно Данте может назвать тираном. В послании Генриху VII слово «тиран» встречается еще один раз – не только в политическом контексте, но и в качестве теологической метафоры. Данте исходит из своей политической концепции мира и свободы как двух нераздельных даров Господа людям, на которые посягает *извечный враг* и которые призван защитить император. «Но зависть старого и непримиримого врага (*livor antiqui et implacabilis hostis*), который вечно и исподтишка посягает на благополучие смертных, лишив некоторых людей наследства – данной им свободы воли, жестоко и не по нашей вине ограбила нас в отсутствие нашего заступника. Вот почему мы долго плакали над реками смятения и непрерывно призывали на помощь законного короля, который покончил бы с телохранителями жестокого тирана и восстановил бы нас в наших законных правах (*satellitium sevi tyranni disperderet et nos in nostra iustitia reformaret*)» [Алигьери, 1968, с. 374]. Как легко понять, тираном здесь называется дьявол, в то время как земные тираны выступают в роли его телохранителей или приспешников (*satellitiae*). Дьяволу присущ тот же порок, что и политическим тиранам (злоба² – *livor*), и действует он так же, как они, – грабительски (*denudavit*).

Наименование дьявола тираном было широко распространено в средневековой культуре. Оно встречается у Григория Великого в «Диалогах» [прив. по: Cannon, 1981, p. 52]; в богослужебных текстах – в Тройном и Веронском сакраментариях (VII в.) смерто-

¹ Вариант перевода мой. – *Е. Л.*

² В пер. И.Н. Голенищева-Кутузова и Е. Солоновича *livor* – это зависть, что вполне допустимо. Как и традиционное обозначение одного из трех пороков у Данте – *invidia*, слово имеет комплексный смысл.

носный закон тирана (*pestifera... tyranni iura*) противопоставляется величию истинного царя – Христа. В первом из них говорится также о тиранической алчности (*tyrannica rapacitas*) врага (дьявола), а во втором – о дьявольской тирании (*diabolica tyrannis*) [цит. по: Vos, Otten, 2011, p. 208]. Св. Лев Великий, папа римский в проповеди на Рождество Господне говорит о том, что извечный враг «не без основания заявляет свое тираническое право (*ius tyrannicum*) на всех людей» (*Sermo XXII, cap. 3*). В «Происхождении греха» Пруденций называет дьявола тираном в впечатляющей сцене грехопадения Адама: «И вот он стоит между Господом жизни и повелителем смерти: Господь призывает его с одной стороны, с другой его зовет тиран, а он то в одну, то в другую сторону делает движение» (*nunc inter vitae Dominum mortisque magistrum / consistit medius; vocat hinc Deus, inde tyrannus / ambiguum atque suis se motibus alternantem*) [Aurelius Prudentius Clemens, 2020, v. 720–722]. В «Житии св. Мартина» Полена из Перигё (V в.) дьявол назван адским тираном (*tartareum tyrannum*) [Corpus ... , 1866, p. 73]. Евсевий Эмесский также говорит о дьяволе: «...*diabolus exercebat tyrannidem*» [цит. по: Vos, Otten, 2011, p. 208].

И наоборот, в средневековом искусстве тираны, о которых говорится в Ветхом и Новом Завете – Нимрод, Ирод и др., напрямую связывались с дьяволом. Так, они могли изображаться в короне, увенчанной дьяволом, что символизировало проникновение в их сознание дьявольских мыслей [Anderson, 1963, p. 163], такой головной убор становился символом тирании [Nara, 2009, p. 132]. В одной из пасхальных секвенций Ноткера I Сент-Галленского (Заики) Голиаф, в восходящей к Августину¹ традиции выступающий образом дьявола, назван тираном: «...*es congressus tyranno Goliath quem lapillo prosternens unico*» (Ты сошелся с тираном Голиафом и поверг его единым малым камнем) [цит. по: Vos, Otten, 2011, p. 208]. Иоанн Солсберийский прямо утверждает: тиран – образ дьявола (*tirannus est imago diaboli*) [John of Salisbury, 1909, vol. 2, p. 348].

Заслуживает внимания, какие конкретные исторические личности получили у Данте наименование «тиран». В сонете «Недолго мне слезами разразиться...» (*Se vedi li occhi miei di pianger vaghi*) поэт призывает Господа покарать убийцу справедливости,

¹ «In figura Christi David, sicut Goliath in figura diaboli...» (*Enarrationes in Psalmos, 55.4*)

который нашел убежище у великого тирана, питающего его ядом, которым желает наводнить весь мир:

Signor, che tu di tal piacere i svaghi:
con la tua dritta man, cioè, che paghi
chi la giustizia uccide e poi rifugge
al gran tiranno, del cui toscò sugge
ch'elli ha già sparto e vuol che 'l mondo allaghi¹.

Считается, что «убийца справедливости» – папа Климент V (1305–1314), а великий тиран – Филипп IV Красивый. Речь здесь идет об истории авиньонского пленения и – шире – взаимодействия французского короля с папой, включая роль последнего в тамплиерском процессе. Та же тема затронута в девятнадцатой песни «Ада» (Inf., 19, 83–87) и в аллегорическом видении в тридцать второй песни «Чистилища» (Pg., 32, 152). Филипп – один из самых нелюбимых правителей Данте. В седьмой песни «Чистилища» (ст. 109) он назван *mal di Francia* (зло Франции) и о его мерзости скорбят искупающие грехи отец и тесть, в «Рае» (Pd., 19, 118–120) на него возлагается ответственность за обеднение Франции, Данте обвиняет его в чеканке фальшивой (в реальности низкопробной) монеты и предсказывает его смерть от кабана. Но наиболее существенным для понимания, почему именно Филипп назван тираном, является отрывок из двадцатой песни «Чистилища» (Pg., 20, 85–93). Вначале дается отсылка к истории пощечины в Ананьи, унижения папы Бонифация VIII посланником Филиппа, Данте видит в этом эпизоде образ поругания Христа. Но затем он переходит к еще одному моменту – процессу над тамплиерами:

Veggio il novo Pilato sì crudele,
che ciò nol sazia, ma senza decreto
portar nel Tempio le cupide vele².

Очевидно, что суд над орденом тамплиеров соединяет в себе одновременно грех, идущий от алчности, грабеж, и от гнева: казнь тамплиеров, несомненно, яркий пример незаконного (*senza decreto*) физического насилия над ближним. Таким образом, если считать

¹ «Но ты, Господь, не дай слезам пролиться: / Пускай твоя суровая десница / Убийцу справедливости найдет, / Что яд великого тирана пьет, / Который, палача пригрев, стремится / Залить смертельным зельем целый свет». – Пер. Е. Солоновича.

² «Я вижу – это все не утолило / Новейшего Пилата; осмелев, / Он в храм вторгает хищные ветрила». – Пер. М.Л. Лозинского.

еще атаку на папу римского, а в его лице на Церковь, Филипп оказывается буквально образцовым злодеем. В Послании к Генриху VII Филипп назван Голиафом: «...и срази этого Голиафа пращей мудрости твоей и камнем силы твоей» [Алигьери, 1968, с. 377], в самой «Комедии» в тридцать второй и тридцать третьей песнях «Чистилища» он присутствует в образе гиганта, а как сказано выше, в средневековой семиотической системе Голиаф – тиран и означает дьявола. Причиной нелюбви Данте к Филиппу, несомненно, было и то, что король был одним из строителей французского государства, противопоставленного великому проекту всемирной Империи, который, по упованию Данте, должен был осуществить Генрих VII. Более того, французский король желал короновать короной Священной Римской империи своего брата Карла Валуа, подкупив некоторое количество выборщиков, т.е. фактически «приобрести» Империю для себя. Возможно, тот «яд», о котором идет речь в сонете, это (фальшивые) деньги, которые раздавал Филипп в качестве подкупа и на которые покупал благосклонность Климента V, отличавшегося особой склонностью к симонии. И это делало его полной противоположностью истинного монарха, о котором мечтал Данте, а стало быть, тираном.

Двенадцатая песнь «Ада» – важнейший отрывок «Комедии», трактующий тему тирании. У самого глубокого места Флегетона кентавр Несс называет четыре имени мучимых там грешников – Александр, Дионисий, Обиццо д'Эсте, Эццелино да Романо, а при переходе путников через поток еще пять – Аттила, Секст, Пирр, Риньеро да Корнето и Риньеро Паццо. Но если в первом случае Несс эксплицитно утверждает: «E' son tiranni...», то относительно второго перечисления у комментаторов нет согласия¹. В рамках этой статьи ограничимся рассмотрением первой четверки персонажей.

Мало сомнений вызывает то, какого именно Дионисия имел в виду Данте: большинство комментаторов согласны, что речь здесь идет о Дионисии Старшем Сиракузском (прав. 405–367 до н.э.), чьи деяния как тирана были известны в Средние века в основном по «Достопамятным деяниям и изречениям» Валерия Максима (*Factorum et dictorum memorabilium libri IX*, I в.). О том же, какого именно Александра имел в виду поэт, мнения расходились всегда. Современные исследователи называют двух правителей –

¹ Ср. например, толкование У. Боско и Дж. Реджо с интерпретацией А.М. Кьяваччи Леонарди: [Alighieri, 1993, p. 185; Alighieri, 1991, p. 382].

Александра Македонского и Александра Ферского. В XIV в. к ним добавляли Александра Янная (Александр Иудей, Александр Иерусалимский), иудейского царя из династии Хасмонеев, правившего в 103–76 гг. до н.э., о котором и Данте, и его средневековые комментаторы (в частности, Грациоло Бамбальоли и Якопо делла Лана) могли знать по «Иудейским древностям» Иосифа Флавия (кн. 13, гл. 13–14). Главным его «тираническим» деянием в их восприятии был конфликт во время праздника Суккот, когда Александр, рассердившись на поношения от народа, «велел перебить до шести тысяч человек». Когда же народ восстал на него, «он перебил не менее пятидесяти тысяч» и в конце концов, взяв город Вифом, отвел побежденных иудеев в Иерусалим и «учинил над ними ужасное дело: находясь со своими наложницами в уединенном уголке и пируя там с ними, он велел распять около восьмисот иудеев и перерезать на виду их всех жен и детей» [Иосиф Флавий, 2002, с. 59–61]. Таким образом, специфической характеристикой тирана в этом случае является террор против своих подданных и соплеменников. Тем не менее это толкование имени Александр является сравнительно редким и у ранних комментаторов, а современные исследователи его даже не упоминают.

Среди них более распространено представление о том, что этот персонаж «Комедии» – Александр Ферский (фессалийский тиран в 369–358 гг. до н. э.). К. Делькорно подчеркивал, что при выявлении источников дантовских примеров важно исследовать их устойчивые последовательности, известные и автору, и его читателям-современникам из проповедей и трактатов по моральной философии [Delcorno, 1989, p. 206]. Поэтому в пользу версии об Александре Ферском свидетельствует то, что именно его называют в паре с Дионисием Сиракузским несколько хорошо известных в дантовское время авторов. «Об обязанностях» Цицерона (*De off.*, II, 7, 25) и «Достопамятные деяния и изречения» Валерия Максима (IX, 13, ext. 3–4), а также «Сокровище» (II, 119, 6) Брунетто Латини (учителя Данте!) приводят обоих как примеры того, что тираны постоянно испытывают страх: «...кто захочет, чтобы их боялись, сами неминуемо будут бояться именно тех, кто будет бояться их» (*Cic. De off.*, II, 7, 24).

Однако большинство комментаторов, близких по времени к Данте, сходятся на том, что поэт писал об Александре Македонском. В наше время против подобной идентификации «Александра» выдвигается тот аргумент, что в «Пире» и «Монархии» Данте дает Александру позитивную оценку, впрочем, как заметил

П. Тойнби, «поэт ни в коей мере не был абсолютно последователен в оценке исторических персонажей» [Тоунбее, 1968, р. 24]. Кроме того, возможно, причина этого видимого противоречия заключается не столько в непоследовательности Данте, сколько в сложности его политической теории. Позитивным высказыванием об Александре считаются такие слова Данте: «И в чьем сердце до сих пор не жив Александр за его царственные благодеяния (*li suoi reali benefìci*)» (Conv., IV, 11:14) [Алигьери, 1968, с. 228]. Однако топос благодеяний Александра восходит, очевидно, к трактату Сенеки «О благодеяниях» (*De Beneficiis*), где они расцениваются негативно: «Положим, <...> судьба настолько превознесла тебя, что дары твои – города, но насколько великодушнее было их не брать, чем расточать?» (Sen., *De ben.*, II, 16, 2) [Римские стойки, 1995, с. 37]. Надо отметить, что с этим высказыванием Сенеки отчасти корреспондирует рассуждение Данте об извращенной щедрости тиранов, процитированное нами выше.

При анализе тезиса Данте: «...царь Александр Македонский, ближе всех подошедший к тому, чтобы стяжать славу монархии» (Mon., II, 8:8) [Алигьери, 1968, с. 335], – надо помнить, что его теория монархии предполагает государя, который, «владея всем и не будучи в состоянии желать большего», поддерживал бы мир между людьми, в то время как война подогревается свойством человеческой души, всегда жаждущей «славы новых приобретений» (Conv., IV, 4:3–4) [Алигьери, 1968, с. 209]. Валерий Максим приводит Александра как пример подобной жажды: когда Анаксарх сказал, что Демокрит учил о существовании множества миров, Александр воскликнул: «Увы мне, несчастному, я до сих пор не приобрел и одного!» (VIII. 14, ext. 2). В монархе такая алчность уже не может существовать – не в силу его благочестия, а по объективным причинам, в то время как тиранов именно она ведет к насилию. В этом контексте Александр остается тираном, поскольку так и не стал монархом, захватив весь мир, что, однако, имеет провиденциальные основания: «Избрание этого должностного лица <монарха> должно было прежде всего восходить к тому решению, которое служит провидением для всех, то есть к Богу» (Conv., IV. 4:9) [Алигьери, 1968, с. 210].

Заслуживает внимания и присутствующая в хорошо знакомых поэту источниках топика, связываемая с представлением об Александре – гнев, жестокость, пролитие крови. В «Истории против язычников» (*Historiae adversum paganos libri septem*, ок. 417–418) Павел Орозий дает ему следующие характеристики: «Алек-

сандр, будучи не в состоянии насытиться человеческой кровью, врагов ли, союзников, постоянно жаждал все новой и новой крови»; «жестокость его в отношении своих была не меньше, чем ярость по отношению к врагу» [Павел Орозий, 2004, с. 219, 218]. Сенека в третьей книге трактата «О гневе» (*De ira*) приводит примеры подобной жестокости, порожденной гневом Александра: «Посреди пира он собственной рукой зарезал лучшего своего друга Клита, с которым вместе воспитывался, за то, что тот мало льстил ему и недостаточно быстро передельывался из македонянина и свободного человека в персидского раба. А не менее близкого своего друга Лисимаха он бросил на растерзание льву» (*De ira*, III, 17.1–2) [Сенека, 2001, с. 162]. Эти же эпизоды Валерий Максим приводит как пример гнева в девятой книге «Достопамятных деяний и изречений» (IX. 3, ext. 1)¹. У Лукана в «Фарсалии» в образе Александра сочетаются безумие (*rex vaesanus*) и ненависть (*invidia*) (*Phars.*, X, 42–43). Можно вполне уверенно утверждать, что известные в эпоху Данте характеристики Александра вполне согласуются с ключевыми поэтическими мотивами, связанными в «Комедии» с тиранией.

Два недавних итальянских тирана, казалось бы, представляют собой контрастную пару: черный и белый², гвельф и гибеллин, хотя, возможно, различия между ними более тонкие. Эццелино III да Романо можно счесть идеальным материалом для создания образа тирана. Итальянские хронисты того времени подчеркивали его особую жестокость, нередко сравнивая его с самим дьяволом, что, как мы помним, существенный элемент тиранической топикки. Например, Салимбене Пармский пишет: «Так же, как Сын Божий, пожелав друга, подобного себе самому, создал благословенного Франциска, так дьявол создал Эццелино» [Salimbene, 1966, v. 1, p. 281]. В наиболее чистой форме этот мотив реализован в трагедии Альбертино Муссато «Эццеринида» (1315?), где в первой же сцене раскрывается страшная тайна происхождения Эццерино и его брата Альберика: мать родила их от Люцифера. Узнав об этом, Эццерино отрицается Господа и объявляет себя врагом Святого Креста, а в описании его деяний Муссато следует томистской теории тирании в конкретных деталях (разжигание раздоров, устрашение,

¹ В той же книге (IX. 5, ext. 1) Александр приводится и как пример гордыни – *superbia*, которая для Данте – один из трех важнейших грехов, имеющих политические последствия (наряду с *invidia* и *cupidigia*).

² Видны только верхние части их голов.

устранение благородных людей и т.п.). Вряд ли, конечно, Данте мог ознакомиться с трагедией Муссато, по крайней мере до завершения «Ада», однако и сама «Эццелино» явно опиралась на уже готовую «черную легенду» об Эццелино, циркулирующую в предгуманистических кругах и особенно в Падуе, где Эццелино в последние годы жизни действительно развернул серьезный террор. Вместе с тем нельзя забывать, что Эццелино был весьма искусным политиком, при этом он не стремился занимать какие-либо должности (и коммунальные, и имперские), не подавлял сами механизмы городского самоуправления, а вместо того старался расставлять повсюду своих людей и добивался, чтобы никакое решение не могло быть принято без его одобрения. Однако, как замечает современный исследователь, у этой политики не было какой-либо внешней цели, с одной стороны, Эццелино нельзя назвать идеологическим гибеллином, стремившимся поставить Северную Италию под власть императора, с другой стороны, у него не было детей, и он не мог оставить свои владения в наследство [Larner, 1980, p. 131]. Да и не очень понятно, каковы в точности были эти владения, по сути дела, у Эццелино были сферы влияния, но влияния всеобъемлющего, бесспорного, исключительного. Жажда власти ради власти, притом почти не имеющей институционального оформления, – возможно, именно это увидел Данте в Эццелино, и именно такой персонаж наилучшим образом вписывается в дантовскую теорию тирании.

Репутация Обиццо II д'Эсте была намного менее зловещей. Он был незаконнорожденным отпрыском рано погибшего сына Аццо VII, и за неимением других вариантов дед объявил его своим наследником. После преждевременной смерти Аццо в 1264 г., его советник Альдигьери Фонтана, приложил усилия, чтобы сделать юношу правителем Феррары. Сразу после похорон Аццо было созвано народное собрание, провозгласившее Обиццо сеньором, притом передав власть над городом ему и его потомкам навечно [Simeoni, 1935, p. 185]. В целом, подобный трансфер власти можно считать законным, пусть даже во многом это голосование стало продуктом манипуляций Фонтана [Gundersheimer, 1973, p. 26]. Тем не менее феррарский хронист так характеризует сложившееся положение: «Обиццо мог делать все что угодно, справедливое и несправедливое, по собственному желанию. У нового правителя стало власти больше, чем у всевышнего Бога, который не может делать несправедливых вещей» [Rerum Italicarum scriptores, 1726, vol. 8, col. 488]. В отличие от Эццелино феррарский властитель

изменял сами механизмы управления, лишал коммунальные формы реального наполнения и в конечном счете упразднял их, стараясь оформлять все это легалистским образом [Gundersheimer, 1973, p. 35–38]. Молва и некоторые хронисты приписывали ему всяческие непотребства и даже злодейства, Салимбене характеризует его как человека «подобного Эццелино по нравам» [Salimbene, 1966, v. 1, p. 244]. Однако нельзя сказать, что Обиццо II отличался особой жестокостью, в противном случае вряд ли Модена в 1288 г. и Реджо в 1290 г. предложили бы ему власть на тех же условиях, что и Феррара. Впрочем, в его правление имели место репрессии против одного из родов. Через несколько лет после избрания Обиццо Фонтана скончался, и поговаривали о яде [Rerum Italicarum scriptores, 1726, vol. 9, col. 250]. В конце концов его семья восстала и была изгнана из города. Между тем Альдигьери Фонтана был не слишком дальним родственником Данте, и это дало основание некоторым исследователям утверждать, что отношение Обиццо к разряду тиранов объяснялось пристрастностью поэта [Del Lungo, 1888, p. 417; Catalano, 1921, p. 204–205]. Возможно, этот фактор и сыграл определенную роль, заставив Данте с большим доверием отнестись к порочащим Обиццо сведениям и слухам, но нельзя игнорировать и то, что сам переход к единовластию (в рамках одного или нескольких городов, а не империи) вполне мог восприниматься как движение к тирании. В таком случае Обиццо представляет собой противоположную сторону тирании по сравнению с Эццелино.

Следует упомянуть еще один «каталог тиранов» в рассказе пилигрима о политической обстановке в Романье (Inf., 27:31–57), один из которых – Малатестино да Римини – назван этим словом и в следующей песни (Inf., 28:81). Рамки этой статьи не позволяют подробно рассмотреть вопрос, почему именно эти властители получили такое наименование. Данте, видимо, тревожил процесс расширения локальных синьорий в региональные, особенно происходившее вне легальных рамок [Chida, 2021, p. 111], однако, вполне возможно, что ключевой здесь является фраза «твоя Романья без войн в сердцах тиранов не живет» и для Данте более важным являлось не формирование единоличного правления на ограниченной территории, а противопоставление тирании и монархии как политических систем, ведущих к войне и миру соответственно, и шире – идея о «войне в сердце» как особенности тиранического этоса. Этот мотив, несомненно, заслуживает более подробного рассмотрения.

В статье мы попытались дать краткий обзор представлений Данте о тирании, основываясь как на его немногочисленных теоретических тезисах, так и на конкретных примерах тиранов. Предварительно можно утверждать, что поэт скорее интересуется спецификой «тиранического характера», а не политическими механизмами тиранического правления, тем не менее этот тезис требует дальнейшей проверки. Одним из отправных пунктов для этого может стать анализ приводимых хронистами сведений о правлении Обиццо II д'Эсте в соотнесении с известными Данте теоретическими источниками.

Список литературы

1. *Алигьери Д.* Малые произведения. – Москва : Наука, 1968. – 652 с.
2. *Гладков А.К.* Социально-политические взгляды Иоанна Солсберийского (1115/1120–1180) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / [Место защиты: Ин-т всеобщ. истории РАН]. – Москва, 2008. – 300 с.
3. *Иосиф Флавий.* Иудейские древности : в 2 т. / пер. с древнегр., примечания Г.Г. Генкеля. – Москва : ООО «Издательство АСТ» : «Ладомир», 2002. – Т. 2 : Кн. 13–20. – 613 с.
4. *Мархинин В.В.* Анализ тирании в европейской политической философии : от Средних веков к Новому времени // Идеи и идеалы. – 2024. – Т. 16. – № 1–1. – С. 145–165.
5. *Павел Орозий.* История против язычников : кн. 1–7 / пер. с лат., вступ. ст., коммент. и указ. В.М. Тюленева. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Санкт-Петербург : О. Абышко, 2004. – 541, [1] с.
6. Римские стоики : Сенека, Эпиктет, Марк Аврелий / вст. ст., сост., подг., текста В.В. Сапова. – Москва : Республика, 1995. – 463 с.
7. *Сенека Луций Анней.* Философские трактаты / пер. с лат. и коммент. Т.Ю. Бородай. – 2-е изд. – Санкт-Петербург : Алетея, 2001. – 399 с.
8. *Фома Аквинский.* О королевской власти к королю Кипра, или О правлении князей / пер. и коммент.: А.В. Марей // Социологическое обозрение. – 2016. – Т. 15, № 2. – С. 96–128.
9. *Alighieri D.* Commedia / con il commento di A.M. Chiavacci Leonardi. – Vol.1 : Inferno. – Milano : A. Mondadori, 1991. – LIX, 1050 p.
10. *Alighieri D.* La divina commedia : questioni, temi e ricerche / a cura di U. Bosco, G. Reggio. – Firenze : Le Monnier, 1993. – Vol. 1. – 582 p.
11. *Anderson M.D.* Drama and imagery in English Medieval churches. – Cambridge : Cambridge univ. press, 1963. – 286 p.
12. *Aurelius Prudentius Clemens.* Hamartigenia // Wikisource [electronic resource]. – 2020. – URL: <https://la.wikisource.org/wiki/Hamartigenia>
13. *Cannon W.R.* History of Christianity in the Middle Ages : from the fall of Rome to the fall of Constantinople. – Nashville : Abingdon press, 1981. – 362 p.
14. *Catalano M.* Dante e Ferrara // Catalano M. Studi danteschi. – Bologna : Zanichelli, 1921. – P. 183–210.

15. *Chida N.* Guido da Montefeltro and the tyrants of Romagna in Inferno 27 // Romanic review. – 2021. – Vol. 112, N 1. – P. 97–119.
16. *Corpus scriptorum ecclesiasticorum latinorum.* – Vindobonae : Apud C. Girolodi Filium Bibliopolam Academiae, 1866. – Vol. 16. – 638 p.
17. *Curtius E.R.* European literature and the Latin Middle Ages. – London : Routledge & K. Paul, 1953. – xv, 662 p.
18. *Del Lungo I.* Dante e gli Estensi // *Del Lungo I.* Dante ne' tempi di Dante. – Bologna : N. Zanichelli, 1888. – P. 377–434.
19. *Delcorno C.* Exemplum e letteratura : tra Medioevo e Rinascimento. – Bologna : Il mulino, 1989. – 365 p.
20. *Gianferrari F.* Pride and tyranny : an unnoted parallel between *Purgatorio* 12 and *Policraticus* 8.20-21 // *Dante notes / Dante Society.* – 2016. – 12.05. – URL: <https://www.dantesociety.org/publicationsdante-notes/pride-and-tyranny-unnoted-parallel-between-purgatorio-12-and-policraticus>.
21. *González Fernández M.* Corona in capite. Juan de Salisbury y Dante Alighieri // *Revista española de filosofía medieval.* – 2003. – Vol. 10. – P. 207–218.
22. *Gundersheimer W.L.* Ferrara : the style of a Renaissance despotism. – Princeton, NJ : Princeton univ. press, 1973. – 313 p.
23. [*John of Salisbury*]. *Ioannis Saresberiensis episcopi Carnotensis Policratici sive De nugis curialium et vestigiis philosophorum libri 8 / recognovit et prolegomenis, apparatus critico, commentario, indicibus instruxit C.C.I. Webb.* – Oxonia [Oxford] : Typographeo Clarendoniano, 1909. – Vol. 1–2.
24. *Larner J.* Italy in the age of Dante and Petrarch, 1216–1380. – London ; New York : Longman, 1980. – 278 p.
25. *Nara K.* 'I make þe als master and merour of my mighte' : Medieval representations of the devil // *In search of the medieval voice : expressions of identity in the Middle Ages / ed. by L. Bleach et al.* – Newcastle upon Tyne : Cambridge scholar, 2009. – P. 127–146.
26. *Pézard A.* Du *Policraticus* à la *Divine Comédie* // *Romania.* – 1948. – Vol. 70, N 277 (1). – P. 1–36.
27. *Rerum Italicarum scriptores ab anno aerae christianae quingentesimo ad millesimumquingentesimum / a cura di L.A. Muratori.* – Mediolani : ex typographia Societatis Palatinae in Regia Curia, 1726. – Vol. 8–9.
28. *Salimbene da Parma.* *Cronica / a cura di G. Scalia.* – Bari : Laterza, 1966. – 2 v.
29. *Simeoni L.* L'elezione di Obizzo d'Este a Signore di Ferrara // *Archivio storico italiano.* – 1935. – Vol. 93, N 354. – P. 165–188.
30. *Toynbee P.J.* A dictionary of proper names and notable matters in the works of Dante / rev. by Ch.S. Singleton. – Oxford : Clarendon press, 1968. – xxv, 722 p.
31. *Vos N., Otten W.* Demons and the devil in ancient and medieval Christianity. – Leiden ; Boston : Brill, 2011. – 257 p.